

Вова был немного загадочным: носил джинсы, фирменные солнцезащитные очки и дефицитные кроссовки – всего этого в советском городке было не достать. Требовалось ехать, и даже не в Киев, а в Москву. Еще у него были «жигули», причем менял машины он частенько. Для общества, где автомобиль покупался один раз в жизни, а затем передавался по наследству от деда к внуку, это выглядело вызывающе.

Когда подруги спрашивали у Вовиной мамы, где работает ее сын, она пожимала плечами: «Фарцует, наверное». Поэтому долгое время принято было считать, что Вова – фарцовщик. Почетная деятельность в начале 80-х. Только когда он получил свой первый срок – семь лет за разбой, стало понятно, что специализация у Вовы не такая уж и мирная. Подруги Вовиной маме вопросов больше не задавали.

К слову, некоторые модные вещи, а в частности джинсовый костюм Montana и кроссовки, кажется, Ессо, достались мне. Из-за этой одежды посторонние думали, что я из крайне обеспеченной семьи, хотя это было не так. Вряд ли Вовина мама знала, что та небольшая и едва заметная заплатка под мышкой справа на самом деле закрывала дырку от острого колющего предмета. И уж конечно, Вовина мама не знала, что у Вовы в этом месте образовался шрам.

Материнская стратегия ничего не замечать помогала справляться с тревогой за судьбу сына. Вероятно, мать замечала, что из Вовы постепенно получается непростой человек, чья настоящая жизнь проходила где-то на темной стороне советской действительности.

После отсидки Вова вышел возмужавшим и еще более разумным – там, где он отбывал наказание, была возможность заниматься спортом и читать книжки, поэтому парень напоминал скорее действующего атлета, аспиранта физвоса, а не бывшего зэка. Тетя Тоня, так звали мамину подругу и Вовину маму, утверждала, что он даже немного подросток.

Вова держался, как актер Николай Еременко из фильма «Красное и черное»: был обходителен с маминими подругами, мог поддержать светскую беседу о театре или кино. Разбирался в книгах и мог достать любую дефицитную серию без обычной для остальных советских читателей повинности сдавать макулатуру.

Ярлык сидельца к нему не клеился: выглаженный, побритый и прекрасно пахнущий, в легком кожаном бомбере или плаще, который можно было увидеть только в журнале «Экран» на Леониде Филатове или Александре Абдулове, Вова подъезжал к нашему подъезду на белых «жигулях» третьей модели, чтобы забрать свою мать из гостей. Если он не поднимался в квартиру, а сигналил, то я выбегал во двор, чтобы посидеть в машине на новеньких дерматиновых сиденьях, пока тетя Тоня прощается с подругами, а потом прокатиться с ними до выезда из дворов, к дороге.

Подростковым умом я понимал, что Вова крутой. Я слышал несколько раз, как родители обсуждали между собой его отсидку. Но в наших коротких встречах от него ни разу не промелькнуло что-то, что могло хотя бы намекнуть о темной стороне: он не матерился, не мурчал, не плевался, говорил поставленным голосом, кажется, баритоном.

Мы могли обсудить фильм или книжку, покурить, у Вовы был «Мальборо», а мне было семнадцать, и я уже курил почти официально. Сейчас я не уверен, что ему было интересно со мной. Скорее, это было из-за уважения к моей маме, да и вообще из-за воспитанности и необходимости присутствовать на светлой стороне.

вот вокруг хлопотами и, казалось, не понимал, к чему вся эта скорбь. Но парень он был воспитанный и интеллигентный, поэтому вопросов не задавал и сам не высказывался.

Когда кто-то подходил к нему, чтобы представиться, он сдержанно пожимал руку. Когда ему говорили о защите, поддержке или «чтобы он не стеснялся и обращался в случае чего», он кивал.

Я уже не жил с родителями, поэтому о судьбе Вовы-младшего узнавал из родительских рассказов. Тетя Тоня с мамой по-прежнему дружили и ходили друг к другу в гости. Первое время на встречах присутствовал внук, потом парень подрос – и со стариками ему стало скучно. Жизнь летела широким шагом, и ничто не говорило, что на внуке природа отдохнула.

Пацан был умен, в меру физически развит, но без явных склонностей к чему-либо. То есть космонавтом, футболистом или пожарным он стать не мечтал. Особых хлопот тете Тоне также не доставлял: учился хорошо, не хулиганил, иногда ночевал у мамы. Разве что быстро научился использовать их с бабушкой холодные отношения и в сложном возрасте, бывало, мог завеяться неизвестно куда на пару дней.

Действительно, тетя Тоня невестку не слишком жаловала: считала, что будь Вова при жене, то трагедии не случилось бы. Что думала по этому поводу сама невестка, мне неизвестно. С ней я совсем не знаком, и виделись мы лишь однажды, на их с Вовой свадьбе.

Зная о проблемах между мамой и бабушкой, Вова мог выбрать момент, чтобы пропасть без особого кипиша со стороны женщин. А когда те начинали бить тревогу, он уже объявлялся. Послушно получал свое, и жизнь снова входила в привычное русло. Настоящее беспокойство у мамы и бабушки началось после Вовинового выпускного. Целый год женщин трясло от страха за судьбу мальчика. Но мамины связи помогли избежать реальных сроков – кражи, как говорила тетя Тоня. Однако что-то мне подсказывало, что она выдавала желаемое за действительное: «На самом деле там не закрытый перелом, а открытый».

Через год Вова женился, и все причастные к его судьбе выдохнули. Бытовых проблем в молодой семье не было: и жильем, и материально молодых обеспечили родители с обеих сторон. Присмирел, носился с беременной женой.

Родился мальчик, и по заведенной в семье традиции его называли Вовой. Получается – младший. Но младшим малыш был недолго, потому что года через три Вова-старший исчез. Ни связи его мамы, ни тети-Тонины интуиция не помогли отыскать парня. Как будто испарился человек. Теперь тетя Тоня ждет выходных – вдруг правнук забежит в гости. Растет парень хоть куда: умный, красивый и, по словам тети Тони, вылитый Вова. Это и беспокоит пожилую женщину.